

Илья Павлов*

КОНТЕКСТЫ ФИЛОСОФИИ И НАМЕРЕНИЯ ФИЛОСОФОВ**

В ЗАЩИТУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

Получено: 05.10.2023. Рецензировано: 28.01.2024. Принято: 16.07.2024.

Аннотация: Статья посвящена проблеме применения методологии интеллектуальной истории (в первую очередь — программы К. Скиннера) к историко-философским исследованиям. Хотя уже Скиннер говорил о его необходимости и сам опирался на результаты аналитической философии языка, релевантность предложенных им подходов для поля теоретической философии часто подвергалась сомнению. В статье выдвигаются три аргумента в защиту применения интеллектуальной истории к истории теоретической философии: во-первых, теоретические подходы, на которые опирался Скиннер, являются философскими и задумывались аналитическими философами языка как применимые для анализа самой философии; во-вторых, метод Скиннера на уровне предмета исследования предполагает учет намерений интеллектуалов прошлого и реальных полемических контекстов, что в случае с историей философии означает внимание к теоретическому содержанию философских концепций и дискуссий и отказ от их редукции к вне-философскому контексту; в-третьих, противопоставление интеллектуальной истории и теоретической философии в англо-американской академии обусловлено спецификой аналитической философии, что означает необязательность подобного противопоставления для других контекстов — в частности, российского. В качестве программы применения интеллектуальной истории к истории философии в статье предлагается комплексная методология, дополняющая идеи Скиннера рядом других подходов, в частности — вниманием И. Хантера к личности философа и практикуемым философами способам мышления, критическим анализом социальной институционализации дискурса

*Павлов Илья Ильич, к. филос. н., старший преподаватель, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), elijahpavloff@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5355-2584.

**© Павлов, И. И. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Также я хотел бы выразить благодарность Антону Шаблинскому, любезно согласившемуся прочитать и прокомментировать черновую версию статьи, — замечания Антона значительно помогли мне в итоговой доработке текста. К слову, именно обсуждение с Антоном методологии историко-философского исследования, состоявшееся несколько лет назад, стало началом моего интереса к Кембриджской школе. В меньшей мере я признателен Марии Черновской, обратившей мое внимание на идею борьбы за именование у Люббе, и Алексею Козлову, от которого я узнал об учете внеязыковых институциональных отношений в теории речевых актов Серля.

философии в духе М. Фуко, концепцией политических условий философской культуры Э. ван дер Зверде и идеей борьбы за именование Г. Люббе. В статье демонстрируется эвристический потенциал разрабатываемой методологии для более комплексного понимания как идей мыслителей прошлого, так и теоретической философии в целом.

Ключевые слова: история философии, интеллектуальная история, методология истории философии, теория речевых актов, перформативность, Кембриджская школа, история понятий, философская культура.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-209-247.

Подходы интеллектуальной истории, в первую очередь — те из них, которые предлагают историки Кембриджской школы (Квентин Скиннер, Джон Покок и др.), в последние годы все больше привлекают внимание российских исследователей¹, и рефлексия о методологии и дисциплинарном статусе истории философии² — одно из проблемных полей, в которых может осуществляться рецепция этих подходов. В российском контексте на значение для истории философии интеллектуальной истории — как кембриджской методологии, так и идей Ричарда Рорти и французских философов — указывает Ольга Власова (Власова, 2020), однако сам вопрос о легитимности такого применения до сих пор является дискуссионным. Возражения против него, как правило, опираются на представления о дисциплинарной специфике философии: если история философии оказывается подразделом философии, ее задачей является

¹Наиболее значимую роль в популяризации методологии интеллектуальной истории в России играют Михаил Велижев и Тимур Атнашев: их усилиями в 2018 году в издательстве «Новое литературное обозрение» вышел сборник «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории», объединяющий программные статьи кембриджских историков (Скиннер, Пируская, 2018a; Скиннер, Пируская, 2018b и др.), обзорную статью составителей (Атнашев, Велижев, 2018b) и ряд других текстов; они применяют кембриджскую методологию к российскому контексту (Атнашев, Велижев, 2018a; Велижев, 2022) и выдвигают аргументы в ее защиту, полемизируя с альтернативными направлениями интеллектуальной истории (Атнашев и Велижев, 2022). Конечно, об идеях кембриджских историков пишут и другие российские исследователи, связанные с другими научными площадками; отличие стратегии Велижева и Атнашева состоит в особом акценте на методологической составляющей (Белявский, 2020; Павлов, 2018), что делает их работы наиболее релевантными для обсуждаемой здесь темы. В 2023 году серию русскоязычных изданий значимых для интеллектуальной истории текстов продолжил перевод посвященной истории и теории движения книги Ричарда Уотмора (Уотмор, Эдельман, 2023) — к ней я отсылаю тех, кому хотелось бы получить детальное введение в интеллектуальную историю: в задачи моей статьи такое не входит.

²Какое место история философии занимает в структуре современных гуманитарных дисциплин? К какой области она относится — к философии или к истории? Каким образом анализ вечных философских проблем может сочетаться с выявлением исторически изменчивого и контингентного контекста их постановки? Эти и другие вопросы ставят исследователи: Ажимов, 2014; Душин, 2015 и др.

поиск философской истины, в то время как интеллектуальная история как подраздел истории ищет истину историческую³.

Может ли методология интеллектуальной истории быть продуктивно применена к историко-философскому исследованию, ставящему перед собой в первую очередь философские задачи? В настоящей статье я намерен обосновать возможность такого применения и раскрыть его основные черты. Для этого я покажу, что как методология Кембриджской школы, так и родственные ей стратегии изучения истории философии с учетом контекста философских высказываний, рассмотренных в качестве совершаемых автором действий, отнюдь не являются анти-философскими — напротив, обращение к ним логически вытекает из самой философской рефлексии, а последовательное их применение учитывает автономное теоретическое измерение как предмета истории философии, то есть философских идей прошлого, так и предполагаемого подобными стратегиями понимания философии в целом.

В первой части статьи я обрисую исторические отношения между интеллектуальной историей и теоретической философией и отвечу на возможные возражения против применения интеллектуальной истории к изучению теоретической философии. Во второй же части я намечу перспективы комплексного историко-философского исследования, включающего в себя сильные стороны разных версий интеллектуальной истории и родственных ей оптик, демонстрируя тем самым, каким именно образом интеллектуально-исторический подход может применяться к изучению истории философии без элиминации теоретико-философского измерения и собственно философского интереса.

1. НЕ ВРАГ, А ДРУГ: ВКЛЮЧЕННОСТЬ ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ В МЕТОД И ПРЕДМЕТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Значение методологии интеллектуальной истории для философии было заявлено уже Квентином Скиннером в хрестоматийной статье 1969 г. «Значение и понимание в истории идей». Формулируя лучший в основу кембриджской методологии принцип анализа текстов как действий, совершаемых авторами в том или ином контексте согласно авторскому

³О подобных возражениях в частности см.: Catana, 2016; Rorty et al., 1984. В этой же логике строится и утверждение, что, поскольку характерный для интеллектуальной истории принцип контекстуальности предполагает обращение в том числе к социальным и политическим контекстам, анализ которых в свою очередь требует использования не только философской рефлексии, но и подходов других наук, методология интеллектуальной истории находится за пределами философии как дисциплины.

намерению⁴, и критикуя целый ряд порождаемых анахроническими подходами мифологий (Скиннер, Пируская, 2018а: 54–97), Скиннер говорил о «философской ценности изучения интеллектуальной истории» и называл возможность диалога между «философской рефлексией и историческим свидетельством» «самой интригующей возможностью» интеллектуальной истории. Он подчеркивал, что «понимание сформулированных в прошлом утверждений, очевидно, ставит особого рода проблемы и может привести к нетипичным выводам, особенно в том, что касается условий изменения языка», и сетовал на игнорирование философами этого факта, говоря о наивности любой попытки «обосновать изучение предмета, ссылаясь на „вечные вопросы“ и „универсальные истины“, которые можно извлекать из классических текстов», поскольку «любое утверждение [...] неизбежно воплощает собой конкретное намерение в конкретной ситуации, обращенное к решению конкретной проблемы и поэтому специфическое для данной ситуации». Скиннер утверждал, что «в философии просто нет вечных вопросов: есть лишь отдельные ответы на отдельные вопросы, причем различных ответов столько же, сколько и вопросов» (там же: 110–111). Другими словами, свой подход, предполагающий критику вневременного прочтения текстов, Скиннер предлагал распространить и на философию.

При этом сам Скиннер полемически не заострял свои идеи против конвенциональных способов философской работы и не требовал, чтобы историки философии с ним безоговорочно соглашались. В частности, во введении к известному сборнику 1984 г. «Философия в истории» Скиннер вместе с Ричардом Рорти и Джеромом Шнивиндом проводил различие между историей философии, которая ищет философскую истину, и интеллектуальной историей, которая ищет истину историческую (Rorty et al., 1984: 7), — это различие Лео Катана называет мирным (Catana, 2016: 134).

В этом же сборнике вышло и знаменитое эссе Рорти «Историография философии: четыре жанра», в котором Рорти понимал интеллектуальную историю в отчасти схожем со Скиннером ключе, поскольку подчеркивал значение постановки вопросов о том, какие цели преследовали интеллектуалы и «в каких отношениях находились с окружающим миром и обществом». Однако главный акцент Рорти делал на междисциплинарности предмета интеллектуальной истории и преодолении

⁴Подробный разбор статьи и оценку ее значения для интеллектуальной истории см.: Уотмор, Эдельман, 2023: 74–85.

жестких классификаций интеллектуалов прошлого на философов, ученых или литераторов. Свой подход Рорти также считал значимым для философии, поскольку тот мог бы помочь традиционным жанрам истории философии стать более самокритичными и, в частности, обращать внимание на различие между современным каноном «великих философов» и реальной влиятельностью интеллектуалов в контексте своей эпохи (Рорти, Джохадзе, 2001: 192–196).

Хотя Катана и оценивает позицию эссе Рорти как полемическую и отличную от мирного духа введения (Catana, 2016: 134), Рорти адресовал сформулированный в духе Скиннера упрек за прочтение истории философии как набора оторванных от эпохи ответов на вечные философские вопросы лишь жанру доксографии, который, по мнению американского философа, «должен сойти со сцены» (Рорти, Джохадзе, 2001: 188–192). По отношению к другим жанрам Рорти занимал примирительную позицию и отнюдь не настаивал на их вытеснении интеллектуальной историей, не выступая и против наиболее противоречащего кембриджскому подходу жанра рациональной реконструкции, предполагающего внеконтекстуальное прочтение идей и аргументов философов прошлого на языке современных дискуссий (там же: 180–183).

Где же в этом случае проходит граница между интеллектуально-историческим и «собственно философским» подходами к истории философии — и, что более важно, насколько эта граница отрефлексирована? Обращение к исследованиям интеллектуальных историков и к тем примерам, которыми они иллюстрируют свои идеи, подводит к мысли, что разделение осуществляется по довольно нехитрому принципу — тематическому: Скиннер и его кембриджские соратники широко известны своими работами по истории политической мысли (Покок, Пируская, 2020; Скиннер, Магун, 2006 и др.); говоря о значимости интеллектуальной истории для истории философии и сетуя на отсутствие контекстуального подхода в классических учебных курсах по философии, Ричард Уотмор ограничивает приводимые примеры областями политической философии и экономической теории (Уотмор, Эдельман, 2023: 31–38); применяющие кембриджскую методологию к российскому контексту Михаил Велижев и Тимур Атнашев также обращаются к проблеме политических языков (Атнашев, Велижев, 2018a)⁵.

⁵В этом плане показательна книга Велижева о Чаадаеве, в которой автор рассматривает общественно-политические контексты публикации первого «философического письма»

Заложена такая тенденция была уже в «Значении и понимании...», где, по замечанию Катаны, Скиннер также ограничивался примерами из истории практической философии (Catana, 2016: 134)⁶. Более того, Катана показывает, что подобная ситуация характерна не только для сторонников непосредственно кембриджской традиции: в эссе Рорти интеллектуальная история также иллюстрировалась примерами из практической, в первую очередь, политической философии, в то время как жанр рациональной реконструкции — из теоретической (ibid.: 135). Другими словами, несмотря на слова об актуальности интеллектуальной истории для философии вообще, Скиннер и Рорти не наметили перспектив для применения контекстуальной методологии к истории теоретической философии — что и подтверждается тематикой интеллектуально-исторических исследований, — и хотя они эксплицитно не декларировали дисциплинарное отделение интеллектуальной истории от теоретической философии, может сложиться впечатление, что сами принципы прочтения текстов как действий, совершаемых в контексте, релевантны только для практической философии.

Такое положение дел подталкивает к выводу, что различие между предметными областями философов-теоретиков и интеллектуальных историков столь непреодолимо, что их продуктивное сотрудничество невозможно. Хотя и раздаются отдельные голоса в поддержку такого сотрудничества (Frasca-Spada, 1996; Schneider, 1996; Hutton, 2014), общей тенденцией остается его отсутствие. Указывая на неудачи попыток Скиннера наладить диалог между историками и философами, Уотмор замечает, что некоторые философы в ответ на его аргументы попросту «спрашивали, что уж такого страшного в анахронизмах, учитывая, что интересы и устремления философов лежат совершенно в иной плоскости, нежели у историков» (Уотмор, Эдельман, 2023: 113). Так же и Катана, обращаясь к различию бэкграундов историков и философов, констатирует продолжающееся разделение (Catana, 2016: 139).

Однако этим сюжетом отношения интеллектуальной истории и теоретической философии не ограничиваются, поскольку их второй стороной

(Велижев, 2022), оставляя в стороне последующие письма, куда более насыщенные по философскому содержанию.

⁶Справедливости ради следует указать, что в статье 1988 года «Ответ моим критикам» Скиннер иллюстрировал свой подход в том числе сюжетом из теоретической философии Декарта (Скиннер, Пирусская, 2018с: 327–328), однако подобные примеры для текстов кембриджских историков являются редкостью.

является тот факт, что методология Кембриджской школы сама строилась на результатах теоретической философии, в первую очередь — на аналитической философии языка Витгенштейна и Остина (Атнашев и Велижев, 2022: 289). В «Значении и понимании...» Скиннер ссылался (Скиннер, Пируская, 2018а: 106–108)⁷ на работу Остина «Как совершать действия с помощью слов», в которой тот развивал теорию речевых актов⁸, основанную на представлении о перформативном измерении языка. Последнее связано с проведенным Остином различием между констативными высказываниями — истинными или ложными суждениями о фактах, — и перформативными, самим своим совершением создающими новые факты (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 17–43). Это различие в более систематическом виде развивало предложенную поздним Витгенштейном в «Философских исследованиях» практическую теорию языка как набора языковых игр, правила которых задаются социальным контекстом и многообразие которых не может быть сведено к практикам описания объектов реальности (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 80–127 и др.)⁹. Размышления Скиннера о взаимосвязи авторского намерения и контекста (Скиннер, Пируская, 2018b; Скиннер, Пируская, 2018c), как и исследования представителей Кембриджской школы в целом (Уотмор, Эдельман, 2023: 69–73), могут быть сопоставлены с дальнейшим развитием философии языка в работах Грайса, более систематически, чем Витгенштейн и Остин, рассматривавшего влияние на семантику и прагматику высказываний факта коммуникации и взаимосвязи намерений говорящего с ожиданиями слушающего и конвенциями сообщества (Макеева, 2020: 71–74).

На теоретической философской рефлексии строится и поворот от вневременной философии «вечных вопросов» к междисциплинарной истории интеллектуалов, совершаемый Рорти, что становится понятным при рассмотрении этого поворота в связи с собственным проектом

⁷Также ссылки Скиннера на Витгенштейна и Остина см.: Скиннер, Пируская, 2018а: 294–297, 329 и др.

⁸Для подхода Скиннера особенно значимо выделение Остином локутивных (основанных на буквальной референции), иллокутивных (связанных с намерениями говорящего) и перлокутивных (определяющихся оказываемым эффектом) речевых действий (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 87–93). На основе идеи иллокутивных действий Скиннер и говорил о необходимости анализа авторских намерений для понимания смысла высказывания.

⁹Ср. акцент Остина на перформативном измерении языка с тезисом Витгенштейна: «Слова суть дела» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 232).

Рорти¹⁰, за которым так же, как за идеями Остина и позднего Витгенштейна, стоял отказ от трактовки языка как пассивного отражения реальности. Критикуя восприятие философии как «зеркала природы», Рорти отвергал платоновский образ философа-царя и вводил идею «герменевтического салона», в котором философ осуществляет медиацию между различными дискурсами. В своей критике Рорти также опирался на аналитическую философию, привлекая куда больший спектр аргументов, чем Скиннер, — в частности, обращаясь к идеям Куайна и к проблематике философии сознания (Рорти, Целищев, 1997).

Таким образом, методологически интеллектуальная история восходит к результатам теоретической рефлексии в аналитической философии, однако при этом именно теоретическая философия становится камнем преткновения в вопросе о применимости подходов интеллектуальной истории к истории философии. Есть ли серьезные философские возражения против анализа теоретической философии методами интеллектуальной истории — или, напротив, философская рефлексия подталкивает нас к необходимости такого анализа?

Аргумент 1. Как было отмечено выше, философы склонны воспринимать интеллектуальную историю как нечто чуждое их проблемному полю и их теоретическим интересам. Да, могут сказать они, интеллектуальная история применяется к анализу исторических текстов как действий идеи аналитических философов, но делает это в поиске исторической истины, а не ради решения проблем теоретической философии, по отношению к которым является внешним предприятием, располагаясь за пределами философии как дисциплины. Действительно ли это так — или же автономный интерес к философской рефлексии и философским проблемам, напротив, предполагает применение интеллектуальной истории к самой философии?

Для ответа на этот вопрос следует вспомнить историю аналитической философии, на результаты которой опираются интеллектуальные историки. Заложившие основания аналитической философии Фреге, Рассел и ранний Витгенштейн обратились к философии языка не из интереса к последнему как таковому, а из желания на основе анализа его семантических структур разработать подход, который позволил бы с научной строгостью решить проблемы теоретической философии¹¹.

¹⁰На момент выхода сборника «Философия в истории» книга Рорти «Философия и зеркало природы» уже была опубликована (1979).

¹¹Об аналитической философии данного периода см.: Макеева, 2011: 13–77.

Аналитическую философию языка часто прочитывают (Рорти, Чернукутов, 2004: 323–328; Макеева, 2011: 7–10) как продолжение проекта Канта, предложившего идею критики разума как альтернативу «догматизму» — претензии на философское познание без предварительного анализа тех наших способностей, с помощью которых это познание осуществляется¹², — и разработавшему стратегию трансцендентального исследования этих способностей как условий возможности познания¹³. По мысли Канта, такая критика разума позволила бы, с одной стороны, ограничить сферу компетенций разума, отказавшись от теоретизирования на темы, выходящие за пределы этих компетенций, а с другой, получить точное знание о том, что из структуры познавательных способностей непосредственно выводится. В отсутствии подобной критики разума в предшествующей философии Кант и видел причину неудачи метафизики как науки (Кант, Лосский, 1999: 22–47).

Продолжая жест Канта, аналитические философы обратили внимание на неразрывную связь философской — да и любой — теории с языком: задавая вопросы и предлагая ответы, философы формулируют суждения в языке, причем предполагают, что эти суждения являются осмысленными и истинными. В этом случае для понимания возможностей теоретической философии оказывается необходимым анализ условий истинности и осмысленности, который аналитические философы периода до «Философских исследований» позднего Витгенштейна осуществляли методами логического анализа — применяя затем результаты этого анализа к рефлексии о философии и критикуя непродуктивные способы философского теоретизирования как исходящие из неправильного понимания языка¹⁴.

В дальнейшем аналитическая философия отказалась от стратегии априорного решения философских вопросов путем логического анализа в его классическом виде¹⁵, и развивающий этот отказ Рорти прямо

¹² «Наша критика направлена [...] против догматизма, т. е. [против] притязания продвигаться вперед с помощью одного только чистого знания из понятий (философских) согласно принципам, давно уже употребляемым разумом, не осведомляясь о правах разума на эти принципы и о способе, каким он дошел до них» (Кант, Лосский, 1999: 46).

¹³ «Я называю трансцендентальным всякое знание, занимающееся не столько предметами, сколько нашей способностью познания предметов, поскольку оно должно быть возможным *a priori*» (там же: 68).

¹⁴ Наиболее известный пример такого применения — статья Рудольфа Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка» (Карнап, Кезин, 1993).

¹⁵ Во многом благодаря проделанной Куайном критике разделения аналитических и синтетических суждений (Куайн, Дмитриев, 2000: 342–358). Однако и последующие

противопоставлял свои идеи трансцендентальному проекту Канта и его продолжению у ранних аналитических философов, выявляя ориентацию традиционного трансцендентального исследования на априорные условия возможности и подчеркивая его отличие от подходов естественных и исторических наук, обращенных к эмпирическому и действительному (Рорти, Черноскутов, 2004: 323, 326–328). Конечно, сам Кант требовал чистоты трансцендентального уровня, связанного с априорными условиями, от всего эмпирического (Кант, Лосский, 1999: 68), однако отход от кантианского априоризма можно сформулировать и в ином, чем у Рорти, ключе — не отвергая вопрос об условиях возможности философии, а переводя его с уровня априорного логического анализа на уровень связанных с философией реальных речевых практик¹⁶. Так, поздний Витгенштейн в «Философских исследованиях» отнюдь не отказывался от характерных для ранней аналитической философии притязаний на основе анализа языка понять природу, возможности и задачи самой философии (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 127–132 и др.) — но лишь расширял этот анализ, включая в него все многообразие контекстуально обусловленных языковых игр. Подобным же образом можно оценивать и философию языка Остина и Грайса — не просто как разработку одной из «философий родительного падежа», а как инструментарий, могущий быть примененным к анализу возможностей теоретической философии как существующей в языке¹⁷.

В эту же линию вписывается и методология интеллектуальной истории. Отталкиваясь от критического обнаружения, что теоретическая философия определяется возможностями языка и существует — как мы понимаем после Витгенштейна, Остина и Грайса — в речевых актах, совершаемых философами в социальном контексте, согласно языковым конвенциям и с определенным намерением, интеллектуальная история добавляет к анализу языка темпоральное измерение, замечая, что речевые акты философов не осуществляются где-то вне времени,

аналитические философы предлагали стратегии решения философских проблем путем анализа семантики языка, хотя и более нюансированной (Макеева, 2011: 78–269).

¹⁶В подобном ключе об условиях возможности говорил Мишель Фуко, которого сложно заподозрить в априоризме (Фуко, Табачников, 1996: 80).

¹⁷Серьезность притязаний аналитической философии языка целиком разделяется Скиннером: характерно его утверждение, что практикуемый им подход к пониманию текстов применим не только к истории политической мысли, но и к анализу любых высказываний вообще, включая философию и литературу (Скиннер, Пирусская, 2018с: 329–332).

а локализованы исторически¹⁸, и предлагая программу изучения связи с этой локализацией теоретического измерения философии. При таком ракурсе рассмотрения противопоставление теоретической и исторической истин снимается, поскольку достоверное изучение исторических фактов философии прошлого оказывается значимым для уточнения того, что вообще такое философия, и дальнейшего выявления условий возможности философского познания.

Аргумент 2. Что ж, могут сказать мне, на уровне метода интеллектуальная история, пожалуй, имеет философское значение как основанная на аналитической философии языка, которая разрабатывалась с целями последующего применения ее результатов к пониманию самой философии. Но когда мы подходим к текстам философов прошлого из позиции интеллектуальной истории, то мы уже на уровне предмета вырываем их из поля философской рефлексии, относя к области истории, а не философии, что вкупе с контекстуальными подходами, которые пропагандируют интеллектуальные историки, приведет к объяснению фактов философской мысли вне-философскими историческими процессами — например, экономикой, социологией и политикой, — устраняя из текстов философов прошлого собственно философское содержание и редуцируя работу с историей философии к методологии внешних по отношению к философии дисциплин. Подобные опасения понятны. Действительно, существуют подходы к философии, сводящие последнюю к внешним ей факторам; старшее поколение российских исследователей может вспомнить советские практики написания истории философии.

Хотя при разговоре о перспективах применения интеллектуальной истории к истории философии обычно на передний план выводят акцент Скиннера на контекстуальности и предпринятую им критику вневременных подходов (Hutton, 2014: 928–935; Власова, 2020: 108–109), не стоит забывать о втором фронте полемики кембриджского историка, направленной также против тех способов контекстуализации, которые полностью игнорируют авторские намерения (Скиннер, Пируская, 2018а: 97–109). Такая позиция характерна не только для Скиннера: с критикой противоречащих авторским намерениям способов контекстуализации — как марксистского, так и других, — выступают и другие

¹⁸В этом и состоит философское значение критики Скиннером разного рода анахронизмов. Об интеллектуальной истории в контексте «темпорального поворота» см.: Атнашев и Велижев, 2022: 293–296.

интеллектуальные историки¹⁹. В случае работы с историей философии внимание к авторскому намерению философа позволяет сохранить теоретический уровень, не редуцируя его к не-философскому контексту: интеллектуальный историк должен учитывать, что, публикуя тот или иной текст, философ намеревался предложить аргумент, указать на противоречие в позиции оппонента или разработать новую концепцию, принимая участие в теоретической дискуссии.

Более того, и акцент Скиннера на контекстуализации так же работает в пользу чувствительности к автономии теоретического уровня философии прошлого, а не против него²⁰, поскольку интеллектуальная история предполагает внимание в первую очередь к реальному полемическому контексту, а не к экономическому или какому-то другому. Иначе говоря, интеллектуальный историк будет помещать высказывание философа в рамки той полемики, в которой тот действительно участвовал; для многих специальных проблем философии это будет дискуссия внутри философского сообщества. Работая, например, с текстами Аристотеля, интеллектуальный историк, ставящий целью обнаружить наиболее исторически достоверную интерпретацию исходных намерений и контекстов, будет отдавать предпочтение трактовкам, отталкивающимся от полемики Аристотеля с Платоном, а не тем, которые прочитывают наследие античных философов из современных политических дискуссий.

Таким образом, характерное для интеллектуальной истории внимание и к намерениям авторов, и к полемическому контексту позволяет блокировать стратегии вроде сведения метафизики Аристотеля к интеллектуальной легитимации привилегий белого мужчины-работладельца, а неокантианской эпистемологии — к отвлечению рабочих масс от классовой борьбы. В вопросе сохранения автономии теоретико-философского содержания, обнаруживаемого историей философии в идеях и дискуссиях мыслителей прошлого, от внешних этому содержанию

¹⁹Подробной критике марксизма и социального детерминизма посвящена классическая статья Хейдена Уайта (White, 1969). Также см. полемику Атнашева и Велижева с постструктуралистскими редукциями языка к отношениям власти (Атнашев и Велижев, 2022: 284–292). На цели интеллектуалов предлагал обращать внимание и Рорти (Рорти, Джогадзе, 2001: 193).

²⁰См. ранее упомянутый пример с Декартом, где Скиннер обращается к контексту полемики с ширронизмом для понимания теории уверенного знания (Скиннер, Пируская, 2018с: 327–328).

объяснений интеллектуальная история оказывается другом философов, а не их врагом²¹.

Аргумент 3. Мой третий аргумент будет сформулирован в духе самой интеллектуальной истории — через обращение внимания на тот контекст, в котором возникает противопоставление теоретической философии исторической оптике. Этим контекстом выступает аналитическая философия.

Ставка интеллектуальной истории на аналитическую философию создала проблему, связанную, однако, не с неприятием теоретических основ подхода интеллектуальной истории (которые в аналитическую традицию как раз-таки вписываются), а с более фундаментальным противопоставлением философии и истории философии, которое Катана находит в позиции Куайна и других аналитических философов, считавших аналитическую философию кульминацией развития философии (Catana, 2016: 135–137). В рамках этого противопоставления аналитические философы если и обращались к истории философии, то делали это в поисках аргументов, значимых для современных дискуссий. На фоне подбора легитимных философов прошлого, возникающего при проецировании на историю философии представлений современных аналитических философов о философии и способах философской аргументации²², становится более понятным и намерение Рорти с помощью интеллектуальной истории ввести в поле рассмотрения тех мыслителей, которые не считаются полноценными философами в рамках других жанров.

Обнаружение контекстуальной обусловленности противопоставления философии и интеллектуальной истории позволяет заключить, что подобное противопоставление не является чем-то вечным, универсальным

²¹С иронией замечу, что игнорирующие намерения авторов и полемические контексты подходы к истории философии обычно предлагали не историки, а философы. Идеальный враг философа — другой философ, придерживающийся альтернативной философской концепции, а отнюдь не историк. Что касается проблемы социологических объяснений философии, то разбираемый во втором аргументе сюжет не относится исключительно к философии, а представляет собой частный случай дискуссий вокруг сильной программы социологии знания (Блур, Гавриленко, 2002). Осмелюсь предположить, что методология Кембриджской школы, в равной мере чувствительная как к контексту, так и к авторским намерениям, может стать решением этой проблемы для истории не только философии, но и других наук.

²²См. об этом свидетельство Хилари Патнэма, упоминавшего, в частности, неконвенциональный для аналитической философии статус Кьеркегора, Маркса и Фрейда (Боррадори, Никифоров и др., 1999: 72–86).

и вытекающим из самой природы философии, но заложено в определенных особенностях локальной академической традиции, которые отнюдь не обязаны разделять философы, работающие в других контекстах — например, в российском²³. В этом плане поле отечественных историко-философских исследований представляет собой довольно благоприятную почву для рецензии интеллектуально-исторических подходов. Многие российские историки философии и без прямой опоры на кембриджскую методологию работают в близком последней ключе, предлагая стратегии рассмотрения текстов философов в историческом контексте, реконструируемом с применением подходов других гуманитарных наук²⁴, так что обращение к кембриджской оптике может практиковаться для уточнения методологических и концептуальных оснований уже существующего стиля историко-философской работы. То же касается и идей Рорти, которые в российском контексте звучат куда менее провокационно, чем в Америке, поскольку главный конкурент интеллектуальной истории — жанр рациональной реконструкции — в России не распространен²⁵, а многие «фигуранты» интеллектуальной истории по Рорти (Рорти, Джохадзе, 2001: 193–194), не вписывающиеся в канон аналитической философии, у нас воспринимаются как вполне легитимный предмет историко-философского интереса.

Но если для российской академии аналитическая философия не является нормативной, то почему отечественные историки философии должны использовать подходы, опирающиеся на идеи Остина и Витгенштейна? На это следует ответить, что сам поворот к прагматическому, контекстуальному и перформативному измерению языка происходил не только в аналитической философии, но охарактеризовал собой развитие

²³Так, Феликс Ажимов, рефлексирова об отношениях теоретической философии и истории философии, дистанцируется от позиции Куайна (Ажимов, 2014: 29).

²⁴Среди таких стратегий выделяют (Ажимов и Леонидова, 2016) подход Виталия Куренного, предлагающего модель взаимодействия истории философии с другими гуманитарными науками на основе идей Дильтея и Целлера (Куренной, 2006), и методологию Татьяны Щедриной, строящуюся вокруг концепта «архив эпохи» (Щедрина, 2009). Аргументы Куренного против вневременного подхода к истории философии, критика идеи «чистой философии» и требование учитывать при работе с историей философии социальный и культурный контекст (Куренной, 2004: 5–10) особенно близки кембриджской методологии.

²⁵Куренной связывает это с отсутствием в российской академии одной доминирующей философской традиции вроде аналитической философии или феноменологии (там же: 12–16).

современной философии в целом. Этот поворот, в аналитической философии осуществленный поздним Витгенштейном, Рорти находил также в «Бытии и времени» Хайдеггера (Рорти, Черноскутов, 2004), а Карл-Отто Апель — в широком диапазоне направлений от прагматизма Пирса до философской герменевтики²⁶. Апель рассматривал этот спектр как продолжение трансцендентального проекта Канта (Апель, Куренной и Скуратов, 2001), что особенно важно в контексте первого аргумента.

2. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ: ВОЗМОЖНАЯ ОПТИКА КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Теперь рассмотрим, в каком направлении могло бы развиваться интеллектуально-историческое исследование истории философии, — для краткости такое исследование можно называть интеллектуальной историей философии, — и каковы его эвристические возможности. Итак, интеллектуальная история философия должна учитывать следующие аспекты:

1. *Перформативность речевого акта, его исторический контекст и авторское намерение* — все то, что традиционно выделяется в рамках кембриджского подхода к анализу текстов как действий. При этом данные принципы, сформулированные Скиннером, могут быть развиты и дополнены — особенно учитывая замечание Александра Павлова, что кембриджская методология представляет собой открытый проект для дискуссий, а не нечто устоявшееся (Павлов, 2018: 291).

2. *Личность философа и перформативный характер философии как культивации определенного способа мышления*. Говоря о стратегиях применения идей кембриджских теоретиков к философии, нельзя не упомянуть выделяемый Уотмором (Уотмор, Эдельман, 2023: 113–114) подход Иэна Хантера. Хантер предлагает задействовать методологию кембриджской школы для того, чтобы заменить абстрактное представление о субъекте познания в духе Канта на понятие личности философа, осуществляющего в том или ином историческом контексте определенные речевые акты, способы мышления, логические и риторические техники,

²⁶На философскую герменевтику опирается родственный Кембриджской школе проект немецкой истории понятий (Гелдерен, Мовнина, 2018: 383–386). В герменевтической традиции — и у Хайдеггера, и у Гадамера, и в более ранних подходах, к которым обращается Куренной (Куренной, 2006), — мы обнаруживаем не менее последовательное, чем у Скиннера, внимание к исторической темпоральности философии. При этом сам Скиннер относился к ряду положений герменевтики Гадамера и их использованию другими теоретиками довольно критически (Скиннер, Пируская, 2018с: 258, 312–313, 322–325, 334).

и писать историю философии исходя из образа человеческого разума, рефлекслирующего о себе (Hunter, 2007: 583–584)²⁷. Хантер применяет свой подход непосредственно к истории теоретической философии (метафизики и эпистемологии), так что теоретическая философия в его оптике оказывается культивацией определенного способа мышления и самосознания посредством интеллектуальных техник, разрабатываемых и практикуемых философами (ibid.: 587–590). Другими словами, ту перформативность, которую Скиннер вслед за Остином обнаруживает в речевых актах, Хантер распространяет и на сами акты философского мышления.

Подходу Хантера близки размышления ряда российских историков философии, также выделяющих личностное измерение философии как определенной практики себя. Так, Ольга Власова указывает на значение интеллектуальной истории для выявления условий возможности философии как «практики мудрости, жизни по правде, правдивого высказывания»; для реконструкции этого измерения Власова обращается не только к идеям Скиннера и Рорти, но и к герменевтическому проекту Дильтея, а также к французской школе истории философии — в частности, к Мишелю Фуко²⁸ (Власова, 2020: 107–109), на которого ссылается и Хантер (Hunter, 2007: 587). При этом, по Власовой, не только философия, но и сама история философии, прошедшая школу интеллектуальной истории, может быть практикой культивации философского самосознания (Власова, 2020: 111), и именно в этом ключе Власова прочитывает Фуко, сближая его как историка философии с Пьером Адо (там же: 107), трактовавшим философию как способ жить (Адо, Воробьев, 2005), и Карлом Ясперсом (Власова, 2014). Александр Дьяков, обращающийся, как и Власова (Власова, 2017), к теме самосознания историка философии, использует эту оптику для рефлексии об отношениях истории философии с другими дисциплинами (Дьяков, 2019b) и, подобно Хантеру, говорит о повороте истории философии

²⁷Такой взгляд на историю философии представляет альтернативу не только позиции аналитических философов, но и более традиционному подходу в духе Куно Фишера, в рамках которого главной задачей истории философии становится реконструкция философских систем мыслителей прошлого. Историографический концепт «система философии» критически анализируется у Катаны (Catana, 2008); ср. идеи Катаны с критикой «мифа системности» у Скиннера (Скиннер, Пирусская, 2018a: 68–69).

²⁸В связи с поднятыми Власовой темами особенно важны лекции позднего Фуко о парресии (Фуко, Карелечкин, 2020). О проблеме парресии у Фуко в контексте французской школы истории философии эксплицитно говорит Александр Дьяков (Дьяков, 2016: 181).

к фигуре философа, хотя и в связи с французской философией (Дьяков, 2019a,c), а не кембриджской методологией. Так, обращение Хантера и российских историков философии к личности философа и практической культивации философского мышления также актуализирует для интеллектуальной истории философии использование ряда идей Фуко, несправедливо²⁹ отвергаемых сторонниками Кембриджской школы.

3. *Влияние академической институционализации на порядок дискурса философии.* Характерное для интеллектуальной истории внимание к философии как набору речевых актов, рассмотренных в контексте, может быть продуктивно дополнено и другой идеей Фуко — о связи дискурса с регулируемыми его отношениями власти и институциональными структурами (Фуко, Табачников, 1996). На первый взгляд может показаться, что обращение Фуко к сцепке дискурса, власти и институтов находится совершенно в другой теоретической плоскости, чем аналитическая философия языка, однако это не так. В частности, развивавший теорию Остина Джон Серль при анализе критериев успешности речевых актов предлагал учитывать внеязыковые институциональные факторы — например, институты церкви, права, частной собственности и государства, — и те места, которые участники коммуникации занимают

²⁹В отличие от Власовой, ставящей Фуко как историка философии в один ряд с Адо и Ясперсом, сторонники Кембриджской школы помещают его в контекст французского постструктурализма и критикуют в таком виде, в том числе распространяя на Фуко общие упреки постструктурализму, поставившему под вопрос необходимость рассматривать тексты в историческом контексте и отвергавшему принцип языкового реализма (Вотмор, Эдельман, 2023: 57; Атнашев и Велижев, 2022: 284–288). Эти упреки точно не относятся к Фуко, который не только в своих исторических исследованиях, но уже на уровне формулировки исследовательской программы подчеркивал материальность дискурса и его связь с историческим контекстом (Фуко, Табачников, 1996: 79–84). Критика непосредственно Фуко за игнорирование авторского намерения (Атнашев и Велижев, 2022: 286) более обоснована, поскольку, анализируя властные отношения, регулирующие дискурс, французский философ действительно сводил авторство к функции в порядке дискурса (Фуко, Табачников, 1996: 62–65), в то время как Скиннер от подобной оптики дистанцировался (Скиннер, Пируская, 2018c: 312–314). Однако позже Фуко перешел к другому пониманию авторства (Глухов, 2019) — в том числе в связи с акцентированными Власовой и Дьяковым темами практик себя и парресии как свободной речи. Эта часть наследия Фуко, на мой взгляд, позволяет отвести от него и упрек в дегуманизации (Атнашев, Велижев, 2018b: 34–35): дегуманизирующими являются скорее властные практики, вскрытые Фуко, а не программа их критики. При этом я согласен со сторонниками Кембриджской школы в том, что Скиннер более, чем Фуко, даже поздний, чувствителен к авторскому намерению, в связи с чем и предлагаю дополнить кембриджскую методологию отдельными идеями Фуко, а не отказаться от подхода Скиннера в пользу ортодоксального фуколядианства.

в рамках этих институтов (Searle, 1975: 358–361), так что внимание к институциональному измерению дискурса представляет собой не отказ от кембриджской апелляции к теории речевых актов, а учет дальнейшего развития этой теории.

В рамках данной стратегии в первую очередь необходимо выделить связь философии с институциональными структурами академии, поскольку именно они затрудняют диалог между интеллектуальной историей и теоретической философией. Помимо описанной выше связи таковых затруднений с контекстом аналитической философии Лео Катана выделяет и значение чисто институционального разделения между факультетами, на которых работают философы и интеллектуальные историки, а внеконтекстуальный проблемно-ориентированный подход к истории философии, практикуемый аналитическими философами, связывает с дидактическими соображениями (Catana, 2016: 139) — подобно Ульриху Шнайдеру, также объяснявшему специфику существующих историй философии задачами образования (Schneider, 1996: 29–30).

Особую роль в этом вопросе играет понятие дисциплины и, в частности, то влияние дисциплинарных различий на восприятие истории философии, которое обсуждалось уже в классических для интеллектуальной истории текстах. Так, в «Значении и понимании...» Скиннер связывал появление критикуемых им мифологий с тем фактом, что

историк идей, анализируя работы конкретного автора, неизбежно руководствуется каким-то представлением об определяющих чертах дисциплины, в которую этот автор, как предполагается, внес некий вклад (Скиннер, Пиресская, 2018а: 76).

Во введении к «Философии в истории» эта связь также оговаривалась, причем авторы введения подчеркивали влияние на восприятие истории философии не только дисциплинарного разделения историков и философов, но и различия субдисциплин внутри самой философии³⁰. Собственно, эту классическую стратегию, полемически ее заостряя, и продолжал Шнайдер, связавший традиционные истории философии с воспроизводством дисциплинарных конвенций³¹.

³⁰Замечая, например, что специалисты в метафизике, социальной философии и философии религии будут считать собеседниками Спинозы разных философов и, соответственно, прочитывать его тексты из разных полемических контекстов (Rorty et al., 1984: 3).

³¹ «Конвенциональные истории философии конвенциональны не только в смысле обыденности; они конвенциональны потому, что выражают и поддерживают дисциплинарные и культурные конвенции относительно того, каково это — философствовать (точно так

Полезные инструменты для анализа институциональных процедур производства дисциплинарных различий можно найти уже Фуко — в особенности в его анализе образования, дискурсивного сообщества, социального присвоения дискурсов и самого понятия научной дисциплины как механизмов властной регуляции дискурса (Фуко, Табачников, 1996: 65–75). В случае философии в перечень подобных механизмов можно добавить выявленную Александром Бикбовым фигуру «философского достоинства», под которым Бикбов понимал претензию философов на некий одним им доступный способ мышления, сохраняющий чистоту от других наук и занимающий по отношению к последним привилегированное положение; Бикбов показал, каким образом эта претензия оказывается связана со структурным положением философии в академической институционализации дисциплинарных различий (Бикбов, 2002). Стратегию Бикбова можно поставить в один ряд и с выпадами Рорти против «доктринерской философии», смотрящей «сверху вниз на естественные науки и историю» (Рорти, Черноскутов, 2004: 326), и с характерной для интеллектуальной истории в целом подозрительностью к вневременным подходам.

Так, учет академической институционализации дисциплинарных различий позволяет, с одной стороны, дистанцироваться от тех предпосылок, которые затрудняют применение интеллектуальной истории и других междисциплинарных подходов к изучению истории философии, а с другой — дополнить сам метод интеллектуальной истории философии, включая в него, вслед за Серлем, анализ институциональных предпосылок успешности речевых актов, то есть, в случае истории философии, роли академически институционализированных властных отношений в формировании влияния как самих философских текстов, так и разного рода историографий. Для такого анализа оптика Фуко может быть дополнена подходами социологии знания³², а сама современная академическая философия может быть помещена в глобальный контекст «социологии философий» в духе Рэндалла Коллинза (Коллинз, Розов и Вертгейм, 2002), позволяющий, в том числе, выявлять социальные контексты философии, альтернативные академическому. Такой ракурс позволяет перейти ко второму значению

же, как истории литературы или искусства выражают и поддерживают дисциплинарные и культурные конвенции относительно того, каково это — быть писателем или художником» (Schneider, 1996: 29).

³²Классический пример ее приложения к историко-философскому кейсу см.: Куш, Веретенников, 2002.

выражения «контексты философии», вынесенного в заголовок, и рассматривать взаимосвязь контекстов, задаваемых самой философией, то есть контекстов теоретической философской полемики, с контекстами, внешними по отношению к философии, но на нее влияющими. Анализ последних предполагает обращение к оптике не только философии, но и других наук, осуществляемое при этом из собственной логики философской рефлексии.

4. *Внешние и внутренние политические условия философской культуры.* Но каким образом обращение к внешним контекстам философии может учитывать критику Скиннером редукции авторских намерений к внешним факторам и внимание Хантера к личности философа и культивации философского мышления? Для решения этой задачи эвристически продуктивным мне представляется понятие философской культуры, введенное Эвертом ван дер Звеерде — философом, не относящимся напрямую к интеллектуальной истории, но работающим в близком ей ключе³³.

Понятие философской культуры Звеерде вводит в качестве альтернативы двум крайностям: философизму, то есть описанию философии только через философию, и социологизму, сводящему объяснение философии к внешнему социальному контексту (Zweerde, 2014: 65). Сама эта постановка вопроса, вполне соответствующая программе Скиннера, характерна для интеллектуальной истории: против социологизма была направлена классическая статья Хейдена Уайта³⁴, а об ограниченности объяснений философии только через философию говорил Шнайдер³⁵. Философскую культуру Звеерде понимает не в эссенциалистском ключе, а как то, где и как философия делается (*ibid.*: 78), — что, в свою очередь, требует анализа внешних и внутренних политических условий философской культуры.

Под внешними условиями Звеерде понимает все то, что позволяет философам занимать свое место в обществе, и с опорой на Коллинза

³³Хотя Звеерде и не ссылается на Скиннера, у него также можно встретить рассмотрение философских текстов как действий, совершаемых в политическом контексте (Звеерде, Николаева, 2011).

³⁴Критикуя марксистские подходы, Уайт использовал и понятие «социологизм» (White, 1969: 617, 626).

³⁵«Только не-философская, или не предубежденная дисциплинарно (*not-discipline-biased*), история философии могла бы объяснить интеллектуальные недостатки традиционных историй философии. Необходимо нечто большее, чем просто философское понимание, чтобы написать историю культурного значения философии» (Schneider, 1996: 30).

говорит о необходимости учитывать экономические, социальные, политические (в узком смысле) и институциональные условия — подводную часть айсберга, на видимой вершине которого находятся крупные философы, оказывающие значимое культурное влияние. Такой внешний ракурс Звеезде не противопоставляет внимание к внутренним политическим условиям, то есть к политическому аспекту того, что философы делают своим философствованием, поскольку они не просто работают в определенных условиях, но сами воспроизводят эти условия — и во внешнем, и во внутреннем смыслах. В этом случае философская культура определяется факторами, приходящими как извне, из контекста, так и изнутри, от субъекта, занимающегося философией: философы обнаруживают себя в уже данной им философской культуре³⁶, которую они, однако, могут менять, поскольку именно они ее производят и воспроизводят, в том числе посредством культивации своей профессии, иногда в форме прямого культа философии и любви к ней (Zweerde, 2014: 73–81). Так, различные стратегии культивации философии вкупе с перформативным характером самого философствования как акта свободной мысли и составляют внутренние политические условия философской культуры³⁷.

Подход Звеезде представляется мне продуктивным для интеллектуальной истории философии по трем причинам.

Во-первых, он позволяет ввести в рассмотрение социальные и политические контексты философии без элиминации внутреннего содержания последней, избегая крайностей философизма и социологизма. Помимо внешних контекстов, для реконструкции которых могут быть полезны подходы в духе Коллинза³⁸, оптика Звеезде предполагает учет политического измерения самих актов философствования и философских высказываний, то есть сохраняет ту чувствительность к политическому аспекту дискурса и истины, которая характерна для Фуко. Но если Фуко периода «Порядка дискурса» сводил истину к властным притязаниям

³⁶Понятие философской культуры у Звеезде охватывает, с одной стороны, единую философскую культуру как условие возможности философской мысли вообще, а с другой — фактическое множество локальных философских культур, существующих в различных политических условиях (Zweerde, 2014: 83–84).

³⁷При этом отношение между внутренними и внешними политическими условиями, то есть между философией как свободным занятием самостоятельного человеческого разума и политической свободой, Звеезде считает непосредственным и внутренним (ibid.: 89–90).

³⁸Об актуальности — с оговорками — подхода Коллинза для истории философии говорит и Власова (Власова, 2022: 26–29).

«воли к истине» (Фуко, Табачников, 1996: 54–59) и понимал авторство как функцию, задаваемую внешними автору дискурсивными структурами (там же: 62–65), то Зверде рассматривает связанное со стремлением к истине намерение философов заниматься философией и делать то, что они делают³⁹, без его редукции к интересам борьбы за власть⁴⁰, а также не устраняет субъектности философов в качестве авторов речевых актов. Подход Зверде предполагает понимание внутреннего политического измерения философии исходя из намерений философов — так что в его модели, как и ранее у Скиннера, именно философы, спорящие об истине, а не безличные властные структуры оказываются конечными агентами связанных с философией политических языковых действий.

Во-вторых, комплексное понятие философской культуры позволяет сочетать внимание к политическим условиям в широком (например, фукольдианском) смысле, для которого «все есть политическое», в том числе и сам акт философствования, и в классическом узком, трактующем политику как одну из сфер жизни общества, связанную с политическими институтами — в частности, с институтом государства и его осуществлением в форме конкретных государств, что предполагает влияние их политических режимов и глобального политического контекста на механизмы функционирования локальных философских

³⁹В модели Зверде первичным оказывается стремление философов к свободному поиску истины, из-за которого они и участвуют в политическом поле философии. При этом Зверде формулирует намерения философа аккуратно: «Я говорю и пишу то, что я говорю и пишу, потому что я думаю, что это истинно, или, по крайней мере, потенциально истинно, или, по крайней мере, имеет отношение к истине» (Zweerde, 2014: 72). Подход Зверде, связывающего темы истины и свободной речи, оказывается близок к тем идеям позднего Фуко, на актуальность которых для интеллектуальной истории указывает Власова, а не к критикуемым сторонниками Кембриджской школы положениям. Для интеллектуальной истории философии подобная оптика предполагает, что в анализ философских культур оказывается включена и реконструкция полемических контекстов, в случае теоретической философии часто представлявших собой дискуссии по специальным философским проблемам с целью установления истины.

⁴⁰Идеи Зверде не предполагают такой редукции ни на объяснительном, ни на нормативном уровне, поскольку под внутренним политическим измерением философии Зверде имеет в виду сам перформативный характер акта философствования как воспроизводящего возможность философской культуры и отнюдь не призывает к подчинению философии заданным ей извне политическим целям (скорее уж напротив — понимание, что без постоянной перформативной культивации философия как свободная мысль не существует в готовом виде, побуждает философов к заботе об автономии философской теории от посягательств извне).

культур⁴¹. В такой оптике политика в узком смысле также оказывается одним из условий философии, поскольку не при любом политическом режиме возможна философская культура как публичное пространство свободного мышления; другими словами, и полемические контексты философии, и внутреннее измерение культивации последней из стремления к истине существуют не где-то отдельно от внешних политических условий философской культуры⁴². Таким образом, политические контексты философии могут учитываться вне крайностей как редукции теоретической философии к отношениям власти, так и оставления влияния последних на философию в ее прошлом и настоящем в слепой зоне.

И, наконец, в-третьих, эксплицитный акцент Зверде на условиях возможности философии позволяет прочитывать его идеи как дальнейшее продолжение критического проекта Канта, по-новому звучащего в ситуации после аналитической философии языка и исследований Фуко.

Но насколько понятие философской культуры, введенное Зверде скорее в метафилософском ключе, применимо к изучению философии прошлого? Не является ли анахронизмом предположение, что в намерения философов других эпох входила политическая культивация той

⁴¹ Такое сочетание представляется крайне ценным. Результаты исследований Фуко, марксистов и других левых теоретиков, вскрывающих существующие в обществе невидимые структуры власти, сложно игнорировать — но при всем при этом в нашей жизни присутствует и онтологически несводимое к этим структурам политическое как реальность *sui generis*, характеризующееся в том числе отличием ресурсов государства от тех инструментов, которые задействованы в воспроизводстве микрофизики власти. О политических (в узком смысле) условиях локальных философских культур и возможных стратегиях изучения последних с учетом политического фактора см.: Zwerde, 2014: 84–89.

⁴² При комплексном подходе к философской культуре эти условия рассматриваются не как лишние всякого значения для намерения философа-теоретика, поскольку речь идет о политических условиях самой философии как автономной теоретической рефлексии. Так, намерение предложить аргумент в защиту, например, физикалистской теории сознания включает в себя также намерение философа высказаться о теоретической философской проблеме, практиковать теоретическую философию и иметь возможность свободно обсуждать ее темы; другими словами, заинтересованность в выполнении политических условий возможности теоретической философии уже включена в намерения философа-теоретика, а воспроизводство этой возможности оказывается частью перформативного аспекта его действия. Подобная взаимосвязь рассмотрения проблем теоретической философии с перформативным характером акта философствования и политическим измерением культивации философского мышления может эксплицитно осознаваться философом, пример чего мы видим, в частности, у Мераба Мамардашвили (Мамардашвили, 1992), к философии которого обращается Зверде (Zwerde, 2014: 78–79, 89). При этом нельзя забывать, что, по пронизательному замечанию Зверде, далеко не всегда философы, желая свободы для себя, хотели ее для других (*ibid.*: 89), и это интеллектуальный историк также должен учитывать.

или иной философской культуры? Здесь следует оговорить, что акцент Скиннера на авторском намерении нельзя понимать догматически, поскольку иначе становится неприменим подход самого Скиннера: вряд в сознательные намерения мыслителей прошлого входило совершать речевые акты, обладающие иллокутивной силой. Позиция Скиннера состоит скорее в том, чтобы не допускать таких версий контекстуализации, которые блокируют возможность рассмотрения авторских намерений, — а подход Зверде к таковым не относится. Более того, обращение к неосознаваемым намерениям и последствиям, особенно в связи с дискурсивными контекстами, мы встречаем и у самих кембриджских историков⁴³, не отрицавших связанные с языком социальные и политические отношения, но настаивавших на несводимости самостоятельного «речевого порядка» к игре внешних факторов (Атнашев и Велижев, 2022: 292).

Указывая на значение идей Зверде для комплексной интеллектуальной истории философии, я, разумеется, не предлагаю свести исследования конкретных историко-философских кейсов к банальной констатации, что тот или иной философ культивировал особый тип мышления, воспроизводил философскую культуру и участвовал в политическом поле философии. В случае каждого кейса необходимо детально анализировать его концептуальную сторону, то есть место теорий, понятий, аргументов, логических и риторических приемов в предлагаемых философами способах мышления, а также функционирование этих способов в реальных полемических контекстах.

⁴³Ср. идеи Фуко с методологической программой Джона Покока, уделявшего особое внимание к дискурсам, формируемым речевыми актами, и признававшего, что речевые акты могут менять дискурс неявно и непреднамеренно (Покок, Бондаренко и Климова, 2015). О подходе Покока также см.: Рихтер, Логутов, 2018: 351–357; Уотмор, Эдельман, 2023: 69–71. Позиция же Скиннера по этой проблеме подробно раскрыта в «Ответе моим критикам», где он акцентировал несводимость смысла текста к осознаваемому авторскому намерению, не отказываясь при этом от тезиса о невозможности понять текст в случае полного игнорирования сознательных намерений автора (Скиннер, Пирусская, 2018с: 308–319). Подчеркивая, что ответ на вопрос, что сделал тот или иной автор своим речевым действием, предполагает нечто большее, чем одно лишь установление авторского намерения, Скиннер и Покок следовали Остину, в теории которого многообразии речевых актов не ограничивалось иллокутивными действиями, — напротив, предполагаемая подходом Остина семантика включает в себя и буквальный смысл высказывания, и индивидуальные намерения, и оказываемые речевыми актами эффекты, не сводясь при этом ни к одному из этих аспектов по отдельности (что, на мой взгляд, особенно значимо при обсуждении темы политических последствий философского высказывания).

5. *Подвижность семантики философских понятий в «борьбе за именование»*. Вопрос о применении общих принципов интеллектуальной истории философии к анализу отдельных концептуальных кейсов может решаться через обращение к немецкой школе истории понятий⁴⁴. При этом необходимо учитывать, что далеко не все идеи, предложенные в рамках этой школы, могут без противоречия объединяться с методологией Скиннера, который критиковал проект истории понятий и, отталкиваясь от сопоставления слов с инструментами (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 84–85), предлагал говорить не об истории понятий, а об истории употребления понятий (Скиннер, Пирусская, 2018с: 294). Однако под эту критику, основанную на введенной в «Философских исследованиях» концепции значения как употребления⁴⁵, не подпадает та версия истории понятий, которую предложил Герман Люббе⁴⁶, исходивший, как и Скиннер, из семантики позднего Витгенштейна⁴⁷.

Значимой для интеллектуальной истории философии представляется предложенная Люббе трактовка понятий не как фиксированных, но как постоянно переопределяемых вследствие того, что и содержание понятий, и само именование оказывается полем политического языкового действия и предметом политической борьбы (Люббе, Кильдюшов, 2017). При этом о политической борьбе Люббе говорит в широком смысле, имея в виду не только случаи открытой ангажированности реальной политикой, но и отделяющую себя от последней «духовную борьбу» в области теории (Куренной, 2017: 222–223), что и позволяет включить его подход в комплексную методологию интеллектуальной истории философии⁴⁸. Исследовательская программа Люббе и истории понятий

⁴⁴Об отношениях истории понятий с Кембриджской школой см.: Гелдерен, Мовнина, 2018; Рихтер, Логутов, 2018; Уотмор, Эдельман, 2023: 51–56.

⁴⁵«Для *большого* класса случаев — хотя и не для *всех*, — где употребляется слово „значение“, можно дать следующее его определение: значение слова — это его употребление в языке» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 99). О концепции значения как употребления и ее роли для теорий Остина и Грайса см.: Макеева, 2011: 115–125.

⁴⁶Характерно, что Мелвин Рихтер, обсуждая критику Скиннером истории понятий, не упоминает Люббе (Рихтер, Логутов, 2018: 363–366). Подробнее о Люббе в контексте истории понятий см.: Куренной, 2017.

⁴⁷Люббе ссылался на «Философские исследования» и утверждал, что «дефиницию», которую можно дать „значению“ специального философского слова, в общем случае можно рассматривать как результат истории его употребления» (цит. по: там же: 219). Другими словами, подход Люббе представляет собой результат применения к истории мысли той же философской базы, которой вдохновлена кембриджская методология.

⁴⁸Сам Люббе предлагал исследовать политическую борьбу в истории понятий с целью распознавания и нейтрализации идейной партийности исходя из принципа автономии теор-

в целом традиционно применяется к понятиям из областей социальной и политической философии⁴⁹, однако ее можно использовать и для анализа концептов теоретической философии, поскольку последняя также оказывается вовлеченной в поле политического языкового действия. Конечно, сама идея исторической подвижности теоретико-философских понятий не нова⁵⁰, но оптика Люббе позволяет более последовательно выявлять политическое измерение этой подвижности.

Наиболее интересной возможностью такого направления исследований будет, на мой взгляд, применение идеи Люббе к самому понятию «философия» и рассмотрение этого понятия как динамично переопределяемого — в том числе в связи с политическими аспектами философского дискурса. Такой подход позволит интеллектуальному историку философии, совершив критическое эпохе по отношению к современным дисциплинарно обусловленным представлениям о философии, понимать последнюю в ее истории не как некую родовую сущность, а как многообразие интеллектуальных практик, объединенных по принципу семейного сходства, и учитывать включенность притязаний на определение того, что же такое философия, в поле политического языкового действия⁵¹. В этом случае предметом интереса интеллектуального историка будет вопрос о том, что делали интеллектуалы прошлого, когда определяли свою речь как философию, и в каком полемическом контексте это определение осуществлялось; каковы были их намерения; чему как не-философии они противопоставляли свою философию; наконец, как производимые интеллектуалами определения философии были связаны с осознаваемыми и неосознаваемыми политическими контекстами. Такой подход предполагает восприятие философии в качестве множества

итического разума и критики программ ангажированного знания (Куренной, 2017: 222–225). В оптике интеллектуальной истории стратегия Люббе сама оказывается полемическим ходом в «духовной борьбе», включенным в политическое поле философии и перформативно культивирующим определенный тип мышления в противовес другим, а значимый для Люббе принцип автономии теоретического разума — внутренним политическим условием того типа философской культуры, который отстаивает Люббе.

⁴⁹Пример реализации подхода истории понятий см.: Словарь..., 2014–2016. Из исследований самого Люббе широко известен анализ понятия «секуляризация» (Lübbe, 1965).

⁵⁰Этой идее следуют, в частности, статьи (хотя и не все) сборника: Персональность..., 2007.

⁵¹И дисциплинарное определение философии, в том числе негативно заданное исключением из ее поля тем и подходов других дисциплин, и культивация альтернативных способов мыслить отношение философии к ее другому могут быть рассмотрены как участие в борьбе за содержание понятия «философия».

фактов интеллектуальной истории, требующих комплексного научного объяснения, — так что ответ на вопрос, что же такое философия, историю которой изучают историки философии, должен даваться путем дескрипции наличных в истории способов философствования, будучи понят как искомый результат историко-философского исследования, а не как его предпосылка⁵².

Подобно тому, как отказ от проецирования в прошлое современных представлений о философии позволяет с большей корректностью относиться к философии былых эпох⁵³, так и понимание исторического многообразия философских интеллектуальных практик помогает увидеть современные философские понятия, включая понятие «философия», как подвижные и расположенные в поле политического языкового действия⁵⁴. Осознавая контингентность современных трактовок философии⁵⁵, интеллектуальный историк понимает, что, говоря о философии

⁵²Такая стратегия доводит до логического конца как идею интеллектуальной истории по Рорти, обращающейся к интеллектуалам прошлого без предпосланного исследованию деления их на философов и не-философов, так и общую для интеллектуальной истории критику влияния современных дисциплинарных разделений на представления историков философии о своем предмете.

⁵³Подробное обсуждение этого вопроса в связи с проблемой презентизма предлагает Сара Хаттон: вскрывая историческую контингентность «вневременных» философских тем и проблем, задаваемых современными механизмами определения философии как дисциплины и вопросами, волнующими философов сегодня, Хаттон призывает историков философии быть более чувствительными к тому, как исторически менялись цели философии и само понимание, что она такое (Hutton, 2014: 927–937). Наблюдения Хаттон ср. с тезисами Скиннера (Скиннер, Пируская, 2018а: 114–115; Скиннер, Пируская, 2018с: 328–329). О презентизме также см.: Атнашев и Велижев, 2022: 293–294.

⁵⁴Это поле включает в себя и процедуры, выявленные Фуко, и фигуру «философского достоинства». При этом в оптике интеллектуальной истории философии, как и в концепции Зверде, конечными агентами в этом поле оказываются философы, спорящие об истине, а не безличные властные структуры. Рассмотрение политического поля понятия «философия» в концептуальной рамке Зверде может быть также дополнено экзистенциальной (в духе Хайдеггера и Сартра) критикой установки, предполагающей, что другие люди за нас определяют, что такое философия и что значит философствовать; подобный ракурс хорошо совместим с вниманием к философии как к перформативной культивации определенного типа мышления — культивации, имеющей, очевидно, и экзистенциальное измерение.

⁵⁵Задача вскрытия контингентности настоящего важна для подхода Люббе и немецкой истории понятий: «Когда мы проясняем, как исторически возникла та или иная особенность нас самих — в форме общества, используемых понятий и т. д., — мы освобождаемся от догматической абсолютизации того, что представляется нам самоочевидным» (Куренной, 2017: 217). Ср.: «Узнать из истории мысли, что на самом деле не существует вневременных идей, а существует только множество разнообразных идей, зародившихся во множестве разнообразных обществ, значит понять основную истину не только о прошлом, но и о нас

и философской истине, он всегда уже оказывается включен в борьбу за содержание понятия «философия», в которой его работа либо поддерживает существующие дисциплинарные конвенции, либо подсвечивает альтернативные образы того, что значит философствовать. При этом внимание к исторической плюральности возможных способов философствовать может осуществляться не только в рамках актуализации философских практик прошлого, но и с целью культивации большей открытости к появлению новых философий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение подходов интеллектуальной истории к историко-философскому исследованию может осуществляться в предметном поле не только практической философии, что демонстрируют исследования кембриджских историков, но и философии теоретической. Интеллектуальная история отнюдь не является чем-то внешним по отношению к теоретико-философской рефлексии, но сама основана на результатах теоретической философии, а ее приложение к последней — как в историческом аспекте, так и в метафилософском⁵⁶ — отнюдь не приводит

самых. Кроме того, общеизвестно — в этом мы все марксисты, — что наше собственное общество ставит невидимые преграды нашему воображению. Поэтому стоит сделать общим местом утверждение, что историческое исследование идей других обществ должно стать обязательным и незаменимым средством преодолеть эти преграды» (Скиннер, Пирусская, 2018а: 115). Идеи Скиннера и Люббе интересно сопоставить с размышлениями Фуко о «критической онтологии нас самих», проект которой французский философ возводил к Канту (Фуко, Офертас, 2002: 357).

⁵⁶Для меня эти два аспекта неотделимы друг от друга — в связи, во-первых, с соображениями, изложенными в первом аргументе, и, во-вторых, с тем фактом, что история философии уже на уровне выделения своего предмета предполагает то или иное понимание философии, которое затем и воспроизводит, — однако я признаю, что теоретически эти аспекты можно разделять. Так, Антон Шаблинский в комментарии к черновой версии текста выделит в моей статье два разных тезиса, связанных с двумя значениями выражения «теоретическая философия», которое я использую по отношению к (а) теоретико-философским построениям мыслителей прошлого, которые история философии изучает в поиске исторической истины, ставя вопрос о более или менее исторически достоверных интерпретациях, и (б) актуальному философствованию (включая философствование о том, что такое философия) в поиске истины теоретической. Этим двум значениям соответствуют два тезиса: (а) о релевантности методологии интеллектуальной истории для исторически корректного изучения философского наследия прошлого и (б) о ее актуальности для наших (современных) размышлений о том, что такое философия, — так что второй тезис приводит к новому пониманию теоретической философии вообще. В случае такого прочтения предлагаемую программу интеллектуальной истории философии можно трактовать (а) в слабой, чисто методологической версии — как продуктивную для тех историко-философских исследований, которые ограничиваются историческими

к элиминации автономного уровня рассмотрения философских проблем.

Хотя уже Скиннер и Рорти говорили об актуальности интеллектуальной истории для философии, в их работах мы не обнаруживаем разработанной рефлексии о стратегии применения интеллектуально-исторической методологии конкретно к теоретической философии. Такую стратегию можно наметить, дополняя положения классиков интеллектуальной истории рядом других подходов, в частности — вниманием И. Хантера к личности философа и практикуемым философами способам мышления, критическим анализом социальной институционализации дискурса философии в духе М. Фуко, концепцией политических условий философской культуры Э. ван дер Зверде и идеей борьбы за именование Г. Люббе. Это дополнение позволяет обозначить программу комплексного исследования интеллектуальной истории философии, чувствительную как к авторским намерениям философов, так и к различным контекстам производства философского знания — выявление которых может осуществляться не как противостоящее теоретическим устремлениям философов, но как, напротив, внутренне связанное с философским интересом к свободному поиску истины.

ЛИТЕРАТУРА

- Адо П.* Философия как способ жить : беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / пер. с фр. В. А. Воробьева. — М., СПб. : Степной ветер, Коло, 2005.
- Ажимов Ф. Е.* Философия: история или теория? Заметки о специфике истории философии // Вопросы философии. — 2014. — № 9. — С. 28–32.
- Ажимов Ф. Е., Леонидова В. В.* История философии как научно-исследовательская программа : анализ некоторых подходов в современной отечественной истории философии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2016. — № 4. — С. 84–88.
- Апель К.-О.* Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. — М. : Логос, 2001.
- Атнашев Т. М., Велижсев М. Б.* История политических языков в России : к методологии исследовательской программы // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2018а. — Т. 2, № 3. — С. 107–137.

задачами и не ставят метафилософских, и (б) в более сильном ключе — как предполагающую, в дополнение к верности слабого тезиса, уточнение нашего понимания философии в целом. В рамках такого различия те исследователи, которые не согласны с моими метафилософскими притязаниями, могут принять аргументы в пользу слабого тезиса, не разделяя сильного.

- Атнашев Т. М., Велижнев М. Б.* Кембриджская школа : история и метод // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018b. — С. 7–50.
- Атнашев Т. М., Велижнев М. Б.* Языковой реализм и два вида интеллектуальной истории // Новое литературное обозрение. — 2022. — № 6. — С. 281–301.
- Белявский Б. А.* Кембриджская школа: импорт и модернизация метода анализа истории : рецензия на сборник «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — Т. 4, № 3. — С. 217–229.
- Бижбов А. Т.* Философское достоинство как объект исследования // Логос. — 2002. — № 3/4. — С. 30–60.
- Блур Д.* Сильная программа в социологии знания / пер. с англ. С. Гавриленко // Логос. — 2002. — Т. 35, № 5/6. — С. 162–185.
- Боррадори Д.* Американский философ : беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Л. Б. Макеевой, О. А. Назаровой. — М. : Дом интеллектуальной книги, Гнозис, 1999.
- Велижнев М. Б.* Чаадаевское дело : идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. — М. : Новое литературное обозрение, 2022.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 т. Т. I / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994. — С. 75–319.
- Власова О. А.* Карл Ясперс и Мишель Фуко : история философии как практика «заботы о себе» // Вестник СПбГУ. Сер. 17. — 2014. — № 4. — С. 47–53.
- Власова О. А.* Возможность самосознания : историки философии в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — № 7. — С. 88–94.
- Власова О. А.* Интеллектуальная история как поле методологического самосознания историков философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2020. — № 54. — С. 105–114.
- Власова О. А.* Методологии Memory Studies и социологии философий в исследованиях истории философии и науки // Социологический журнал. — 2022. — Т. 28, № 1. — С. 24–39.
- Гелдерен М. ван.* Между Кембриджем и Гейделбергом : понятия, языки и образы в интеллектуальной истории / пер. с англ. Н. Мовниной // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018. — С. 381–405.
- Глухов А. А.* Фуко как свержавтор // Логос. — 2019. — № 2. — С. 104–125.
- Душин О. Э.* История философии как академическая дисциплина : философия versus история // Вестник СПбГУ. Сер. 17. — 2015. — № 4. — С. 27–32.
- Дьяков А. В.* Постмодернистская история философии : pro et contra // Вопросы философии. — 2016. — № 6. — С. 176–184.

- Дьяков А. В.* Возвращение мудреца : история идей и история философии // Диалог со временем. — 2019а. — № 69. — С. 227–236.
- Дьяков А. В.* Историк философии и его опыт : в пространстве философии и вовне // Философские науки. — 2019б. — № 62. — С. 43–54.
- Дьяков А. В.* История философии как философия : французский опыт // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия Философия и конфликтология. — 2019с. — Т. 35, № 1. — С. 222–229.
- Зверде Э. ван дер.* Народный подъем и политическая философия «веховцев» / пер. с англ. О. Николаевой // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н. С. Плотникова. — М. : Ключ-С, 2011. — С. 276–319.
- Кант И.* Критика чистого разума / под ред. В. А. Жучкова ; пер. с нем. Н. О. Лосского. — М. : Наука, 1999.
- Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка / пер. с нем. А. В. Кезина // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. — 1993. — № 6. — С. 11–26.
- Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018.
- Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.
- Куайн У. В. О.* Две догмы эмпиризма / пер. с англ. Т. А. Дмитриева // Слово и объект / пер. с англ. А. З. Черняка, Т. А. Дмитриева. — М. : Логос, Праксис, 2000. — С. 342–367.
- Куренной В. А.* Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. — 2004. — № 3/4. — С. 3–29.
- Куренной В. А.* Эмпирическая метафизика и исследовательская программа истории философии Эдуарда Целлера // Логос. — 2006. — № 1. — С. 89–102.
- Куренной В. А.* История философской истории понятий : предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. — 2017. — Т. 29, № 4. — С. 197–239.
- Куш М.* Социология философского знания : конкретное исследование и защита / пер. А. Веретенникова // Логос. — 2002. — № 5/6. — С. 104–134.
- Люббе Г.* Быть и именоваться. История значения как поле политического языкового действия / пер. с нем. О. Кильдюшова // Социология власти. — 2017. — Т. 29, № 4. — С. 240–256.
- Макеева Л. Б.* Язык, онтология и реализм. — М. : Высшая школа экономики, 2011.
- Макеева Л. Б.* Что есть значение? Ответ Пола Грайса // Философский журнал. — 2020. — Т. 13, № 4. — С. 69–88.
- Мамардашвили М. К.* Философия — это сознание вслух // Как я понимаю философию. — М. : Прогресс, Культура, 1992. — С. 57–71.

- Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов? // *Избранное* / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. — М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 13–138.
- Павлов А. В.* Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // *Логос*. — 2018. — № 4. — С. 261–302.
- Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге* / под ред. Н. С. Плотникова, А. Хаардта, В. И. Молчанова. — М. : Модест Колеров, 2007.
- Покок Д. Г. А.* Момент Макиавелли : политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / пер. с англ. Т. Пирусской. — М. : Новое литературное обозрение, 2020.
- Покок Д. Г. А.* The State of the Art (введение к книге «Добродетель, торговля и история») / пер. с англ. А. Бондаренко, У. Климовой // *Новое литературное обозрение* / под ред. Е. С. Островской. — 2015. — Т. 134. — С. 45–74.
- Ризтер М.* Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte / пер. с англ. А. Логутова // *Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории* / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018. — С. 347–380.
- Рорти Р.* Философия и зеркало природы / пер. с англ. В. В. Целищева. — Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1997.
- Рорти Р.* Историография философии : четыре жанра / пер. с англ. И. Д. Джохадзе // *Неопрагматизм Ричарда Рорти / И. Д. Джохадзе*. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — С. 180–198.
- Рорти Р.* Витгенштейн, Хайдеггер и реификация языка / пер. с англ. Ю. Ю. Чернокутова // *Мартин Хайдеггер : сборник статей* / сост. Д. Ю. Дорофеев. — СПб. : РХГИ, 2004. — С. 323–344.
- Скиннер К.* Свобода до либерализма / пер. с англ. А. В. Магуна. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006.
- Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей / пер. с англ. Т. Пирусской // *Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории* / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018a. — С. 53–122.
- Скиннер К.* Мотивы, намерения и интерпретация текстов / пер. с англ. Т. Пирусской // *Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории* / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018b. — С. 123–141.
- Скиннер К.* Ответ моим критикам / пер. с англ. Т. Пирусской // *Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории* / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018c. — С. 249–346.
- Словарь основных исторических понятий : избранные статьи* : в 2 т. / под ред. Ю. Зарецкого, К. Левинсона, И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсона. — М. : НЛЮ, 2014–2016.
- Уотмор Р.* Что такое интеллектуальная история? / пер. с англ. Н. Эдельмана. — М. : Новое литературное обозрение, 2023.

- Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине : по ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С.В. Табачникова. — М. : Касталь, 1996. — С. 47–96.
- Фуко М.* Что такое Просвещение? / пер. с фр. С. Ч. Офертаса // Интеллектуалы и власть : в 3 т. Т. 1 / под ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. — М. : Праксис, 2002. — С. 335–369.
- Фуко М.* Речь и истина : лекции о парресии (1982–1983) / под ред. М. Маяцкого ; пер. с фр. Д. Кралечкина. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
- Щедрина Т. Г.* Архив эпохи : проблема и концепт // Культурология. Дайджест ИНИОН РАН. — 2009. — № 1. — С. 104–111.
- Catana L.* The Historiographical Concept “System of Philosophy” : Its Origin, Nature, Influence, and Legitimacy. — Leiden : Brill, 2008.
- Catana L.* Intellectual History and the History of Philosophy : Their Genesis and Current Relationship // A Companion to Intellectual History / ed. by R. Whatmore, B. Young. — Chichester : Wiley-Blackwell, 2016. — P. 129–140.
- Frasca-Spada M.* Notes on Intellectual History, History of Philosophy, and History of Ideas // Intellectual News. — 1996. — Vol. 1, no. 1. — P. 30–31.
- Hunter I.* The History of Philosophy and the Persona of the Philosopher // Modern Intellectual History. — 2007. — No. 4. — P. 571–600.
- Hutton S.* Intellectual History and the History of Philosophy // History of European Ideas. — 2014. — Vol. 40, no. 7. — P. 925–937.
- Lübbe H.* Säkularisierung : Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs. — Freiburg, München : Karl Alber, 1965.
- Rorty R., Schneewind J. B., Skinner Q.* Introduction // Philosophy in History : Essays on the Historiography of Philosophy / ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. — Cambridge : Cambridge University Press, 1984. — P. 1–14.
- Schneider U. J.* Intellectual History and the History of Philosophy // Intellectual News. — 1996. — Vol. 1, no. 1. — P. 28–30.
- Searle J. R.* A Taxonomy of Illocutionary Acts // Language, Mind, and Knowledge. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1975. — P. 344–369. — (Minnesota Studies in the Philosophy of Science ; 7).
- White H. V.* The Tasks of Intellectual History // The Monist. — 1969. — Vol. 53, no. 4. — P. 606–630.
- Zeerde E. van der.* On the Political (Pre-)Conditions of Philosophical Culture // Transcultural Studies. — 2014. — Vol. 10, no. 1. — P. 63–92.

Pavlov, I. I. 2024. "Konteksty filosofii i namereniya filosofov [Contexts of Philosophy and Philosophers' Intentions]: v zashchitu intellektual'no-istoricheskogo podkhoda k istoriko-filosofskomu issledovaniyu [In Defense of the Intellectual History Approach to Research in the History of Philosophy]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 209–247.

ILIA PAVLOV

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR LECTURER

JUNIOR RESEARCH FELLOW

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIAN FEDERATION); ORCID: 0000-0002-5355-2584

CONTEXTS OF PHILOSOPHY AND PHILOSOPHERS' INTENTIONS IN DEFENSE OF THE INTELLECTUAL HISTORY APPROACH TO RESEARCH IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Submitted: Oct. 05, 2023. Reviewed: Jan. 28, 2024. Accepted: July 16, 2024.

Abstract: This paper considers the problem of applying the intellectual history approach to research in history of philosophy and demonstrates the heuristic potential of this application for a more comprehensive understanding of both the ideas proposed by thinkers of the past and theoretical philosophy in general. Although Skinner emphasized the necessity of this application, the relevance of his approaches to the field of theoretical philosophy has often been questioned. The article presents three arguments in defense of said application. First, the theoretical approaches that Skinner relied on were conceived by analytical philosophers of language as applicable to the analysis of philosophy itself. Second, Skinner's method at the level of the subject of the study involves considering the intentions of intellectuals and real polemical contexts, which draws attention to the theoretical content of philosophical concepts and discussions. Third, the opposition of intellectual history and theoretical philosophy by Anglo-American scholars is based on analytical philosophy, which means that this opposition is not obligatory for other contexts. Furthermore, the paper proposes a comprehensive methodology that complements Skinner's ideas with other approaches, in particular, I. Hunter's study of philosophers' personalities and their ways of thinking, a critical analysis of philosophical discourse and its social institutionalization in the Foucauldian way, E. van der Zweerde's concept of political (pre-)conditions of philosophical culture, and H. Lübke's idea of the struggle for the naming.

Keywords: History of Philosophy, Intellectual History, Methodology of History of Philosophy, Speech Act Theory, Performativity, Cambridge School, History of Concepts, Philosophical Culture.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-209-247.

REFERENCES

- Apel, K.-O. 2001. *Transformatsiya filosofii [Transformation der Philosophie]* [in Russian]. Trans. from the German by V. Kurennoy and B. Skuratov. Moskva [Moscow]: Logos.
- Atnashev, T., and M. Velizhev, eds. 2018. *Kembridzhskaya shkola [The Cambridge School]: teoriya i praktika intellektual'noy istorii [Theory and Practice of Intellectual History]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye lit. obozreniye.

- Atnashev, T. M., and M. B. Velizhev. 2018a. "Istoriya politicheskikh yazykov v Rossii [History of Russian Political Languages]: k metodologii issledovatel'skoy programmy [Introducing Methodology of a Research Program]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 2 (3): 107–137.
- . 2018b. "Kembridzhskaya shkola [The Cambridge School]: istoriya i metod [History and Method]" [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018, 7–50.
- . 2022. "Yazykovoy realizm i dva vida intellektual'noy istorii [Linguistic Realism and Two Types of Intellectual History]" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]*, no. 6, 281–301.
- Austin, J. 1999. "Kak sovershat' deystviya pri pomoshchi slov? [How to Do Things with Words]" [in Russian]. In *Izbrannoye [Selected Works]*, trans. from the English by L. B. Makeyeva and V. P. Rudnev, 13–138. Moskva [Moscow]: Ideya-Press / Dom intellektual'noy knigi.
- Azhimov, F. Ye. 2014. "Filosofiya: istoriya ili teoriya? Zametki o spetsifike istorii filosofii [Philosophy: History or Theory? Notes on the Specifics of the History of Philosophy]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 28–32.
- Azhimov, F. Ye., and V. V. Leonidova. 2016. "Istoriya filosofii kak nauchno-issledovatel'skaya programma [History of Philosophy as a Scientific Research Program]: analiz nekotorykh podkhodov v sovremennoy otechestvennoy istorii filosofii [An Analysis of Some Approaches in Modern Russian History of Philosophy]" [in Russian]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanities Research in the Russian Far East]*, no. 4, 84–88.
- Belyavskiy, B. A. 2020. "Kembridzhskaya shkola: import i modernizatsiya metoda analiza istorii [The Cambridge School: Importing and Modernizing the Method of Historical Analysis]: retsenziya na sbornik 'Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii' [Book Review of 'Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (3): 217–229.
- Bikbov, A. T. 2002. "Filosofskoye dostoinstvo kak ob'yekt issledovaniya [Philosophical Dignity as an Object of Study]" [in Russian]. *Logos*, nos. 3–4, 30–60.
- Bloor, D. 2002. "Sil'naya programma v sotsiologii znaniya [The Strong Programme in the Sociology of Knowledge]" [in Russian], trans. from the English by S. Gavrilenko. *Logos* 35 (5–6): 162–185.
- Borradori, G. 1999. *Amerikanskiy filosof [The American Philosopher]: besedy s Kuaynom, D-vidsonom, Patn-emom, Nozikom, Danto, Rorti, Keyulom, MakIntayrom, Kunom [Conversations with Quine, Davidson, Putnam, Nozick, Danto, Rorty, Cavell, McIntyre and Kuhn]* [in Russian]. Trans. from the English by A. L. Nikiforov, L. B. Makeyeva, and O. A. Nazarova. Moskva [Moscow]: Dom intellektual'noy knigi / Gnozis [Intellectual Book House Press and Gnozis].
- Carnap, R. 1993. "Preodoleniye metafiziki logicheskim analizom yazyka [Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache]" [in Russian], trans. from the German by A. V. Kezin. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]*, no. 6, 11–26.
- Catana, L. 2008. *The Historiographical Concept "System of Philosophy": Its Origin, Nature, Influence, and Legitimacy*. Leiden: Brill.
- . 2016. "Intellectual History and the History of Philosophy: Their Genesis and Current Relationship." In *A Companion to Intellectual History*, ed. by R. Whatmore and B. Young, 129–140. Chichester: Wiley-Blackwell.

- Collins, R. 2002. *Sotsiologiya filosofiy. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change] [in Russian]. Trans. from the English by N. S. Rozov and Yu. B. Vertgeym. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf [Company Limited Publishing House "Sibirsky Khronograph"].
- D'yakov, A. V. 2016. "Postmodernist-skaya istoriya filosofii [The Postmodern History of Philosophy]: pro et contra [pro et Contra]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 6, 176–184.
- . 2019a. "Istoriik filosofii i yego opyt [The Historian of Philosophy and His Experience]: v prostranstve filosofii i vovne [Within and Beyond the Realm of Philosophy]" [in Russian]. *Filosofskkiye nauki [Russian Journal of Philosophical Sciences]*, no. 62, 43–54.
- . 2019b. "Istoriya filosofii kak filosofiya [History of Philosophy as Philosophy]: frantsuzskiy opyt [The French Experience]" [in Russian]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya i konfliktologiya [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]* 35 (1): 222–229.
- . 2019c. "Vozvrashcheniye mudretsa [The Return of the Sage]: istoriya idey i istoriya filosofii [The History of Ideas and the History of Philosophy]" [in Russian]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, no. 69, 227–236.
- Dushin, O. E. 2015. "Istoriya filosofii kak akademicheskaya distsiplina [The History of Philosophy as an Academic Discipline]: filosofiya versus istoriya [Philosophy versus History]" [in Russian]. *Vestnik SPbGU. Ser. 17 [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]*, no. 4, 27–32.
- Foucault, M. 1996. "Poryadok diskursa [L'Ordre du discours]" [in Russian]. In *Volya k istine [The Will to Truth] : po tu storonu vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [Beyond Power and Sexuality. Works of Different Years]*, trans. from the French by S. V. Tabachnikov, 47–96. Moskva [Moscow]: Kastal'.
- . 2002. "Chto takoye Prosveshcheniye? [Qu'est-ce que les Lumières?]" [in Russian]. In *Intellektualy i vlast' [Intellectuals and Power]*, ed. by V. P. Vizgin and B. M. Skuratov, trans. from the French by S. Ch. Ofertas, 1:335–369. Moskva [Moscow]: Praxis.
- . 2020. *Rech' i istina [Discours et vérité]: lektzii o parrésii (1982– 1983) [Précédé de La parrésia]* [in Russian]. Ed. by M. Mayatskiy. Trans. from the French by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.
- Frasca-Spada, M. 1996. "Notes on Intellectual History, History of Philosophy, and History of Ideas." *Intellectual News* 1 (1): 30–31.
- Gelderen, M. van. 2018. "Mezhdru Kembridzhem i Geydel'bergom [Between Cambridge and Heidelberg]: ponyatiya, yazyki i obrazy v intellektual'noy istorii [Concepts, Languages and Images in Intellectual History]" [in Russian]. In *Kembridzhskaya shkola [The Cambridge School] : teoriya i praktika intellektual'noy istorii [Theory and Practice of Intellectual History]*, ed. by T. Atnashev and M. Velizhev, trans. from the English by N. Movnina, 381–405. Moskva [Moscow]: Novoye lit. obozreniye.
- Glukhov, A. A. 2019. "Fuko kak sverkhavtor [Foucault as Superauthor]" [in Russian]. *Logos*, no. 2, 104–125.
- Hadot, P. 2005. *Filosofiya kak sposob zhit' [La philosophie comme manière de vivre]: besedy s Zhanni Karliye i Arnol'dom I. D.evidsonom [Entretiens avec Jeannie Carlier et Arnold I. Davidson]* [in Russian]. Trans. from the French by V. A. Vorob'yev. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Stepnoy veter / Kolo.
- Hunter, I. 2007. "The History of Philosophy and the Persona of the Philosopher." *Modern Intellectual History*, no. 4, 571–600.
- Hutton, S. 2014. "Intellectual History and the History of Philosophy." *History of European Ideas* 40 (7): 925–937.

- Kant, I. 1999. *Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft]* [in Russian]. Ed. by V. A. Zhuchkov. Trans. from the German by N. O. Losskiy. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Kurennoy, V. A. 2004. "Zametki o nekotorykh problemakh sovremennoy otechestvennoy istorii filosofii [Notes on Some Problems of the Contemporary Russian History of Philosophy]" [in Russian]. *Logos*, nos. 3-4, 3-29.
- . 2006. "Empiricheskaya metafizika i issledovatel'skaya programma istorii filosofii Eduarda Tsellera [Empirical Metaphysics and Eduard Zeller's History of Philosophy Research Program]" [in Russian]. *Logos*, no. 1, 89-102.
- . 2017. "Istoriya filosofskoy istorii ponyatiy [The History of the Philosophical History of Concepts]: predisloviye k perevodu G. Lyubbe [A Preface to the Translation of H. Lübbe]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 29 (4): 197-239.
- Kusch, M. 2002. "Sotsiologiya filosofskogo znaniya [The Sociology of Philosophical Knowledge]: konkretnoye issledovaniye i zashchita [A Case Study and a Defense]" [in Russian], trans. by A. Veretennikov. *Logos*, nos. 5-6, 104-134.
- Lübbe, H. 1965. *Säkularisierung: Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs* [in German]. Freiburg and München: Karl Alber.
- . 2017. "Byt' i imenovat'sya. Istoriya znacheniya kak pole politicheskogo yazykovogo deystviya [Sein und Heißen. Bedeutungsgeschichte als politisches Sprachhandlungsfeld]" [in Russian], trans. from the German by O. Kil'dyushov. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 29 (4): 240-256.
- Makeyeva, L. B. 2011. *Yazyk, ontologiya i realizm [Language, Ontology, and Realism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki [HSE Publishing House].
- . 2020. "Chto yest' znacheniye? Otvet Pola Graysa [What is Meaning? Paul Grice's Answer]" [in Russian]. *Filosofskiy zhurnal [Philosophy Journal]* 13 (4): 69-88.
- Mamardashvili, M. K. 1992. "Filosofiya — eto soznaniye vslukh [Philosophy is Consciousness Out Loud]" [in Russian]. In *Kak ya ponimayu filosofiyu [How I Understand Philosophy]*, 57-71. Moskva [Moscow]: Progress / Kul'tura.
- Pavlov, A. V. 2018. "Priklucheniya metoda: Kembridzhskaya shkola (politicheskoy mysli) v kontekstakh [Adventures of a Method. Cambridge School (of Political Thought) in Contexts]" [in Russian]. *Logos*, no. 4, 261-302.
- Plotnikov, N. S., Khaardt A., and Molchanov V. I., eds. 2007. *Personal'nost'. Yazyk filosofii v russko-nemetskom dialoge [Personality. The Language of Philosophy in German-Russian Dialogue]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- Pocock, J. G. A. 2015. "The State of the Art (vvedeniye k knige 'Dobrodetel', trgovlya i istoriya)" [in Russian], ed. by Ye. S. Ostrovskaya. Trans. from the English by A. Bondarenko and U. Klimova. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]* 134:45-74.
- . 2020. *Moment Makiavelli [The Machiavellian Moment]: politicheskaya mysl' Florentsii i atlanticheskaya respublikanskaya traditsiya [Florentine Political Thought and Atlantic Republican Tradition]* [in Russian]. Trans. from the English by T. Pirusskaya. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Quine, W. V. O. 2000. "Dve dogmy empirizma [Two Dogmas of Empiricism]" [in Russian]. In *Slovo i ob'yekt [Word and Object]*, trans. from the English by T. A. Dmitriyev, 342-367. Moskva [Moscow]: Logos, Praktis.
- Richter, M. 2018. "Pokok, Skinner i Begriffsgeschichte [Pocock, Skinner and Begriffsgeschichte]" [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018, 347-380.
- Rorty, R. 1997. *Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the Mirror of Nature]* [in Russian]. Trans. from the English by V. V. Tselishchev. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta.

- . 2001. "Istoriografiya filosofii [The Historiography of Philosophy]: chetyre zhanra [Four Genres]" [in Russian]. In *Neopragmatizm Richarda Rorty [Neopragmatism of Richard Rorty]*, by I. D. Dzhokhadze, trans. from the English by I. D. Dzhokhadze, 180–198. Moskva [Moscow]: Editorial URSS.
- . 2004. "Vitgenshteyn, Khaydegger i reifikatsiya yazyka [Wittgenstein, Heidegger, and the Reification of Language]" [in Russian]. In *Martin Khaydegger [Martin Heidegger] : sbornik statey [A Collection of Articles]*, comp. D. Yu. Dorofeyev, trans. from the English by Yu. Yu. Chernoskutov, 323–344. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: RKhGI [RCHI].
- Rorty, R., J. B. Schneewind, and Q. Skinner. 1984. "Introduction." In *Philosophy in History : Essays on the Historiography of Philosophy*, ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, and Q. Skinner, 1–14. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schneider, U. J. 1996. "Intellectual History and the History of Philosophy." *Intellectual News* 1 (1): 28–30.
- Searle, J. R. 1975. "A Taxonomy of Illocutionary Acts." In *Language, Mind, and Knowledge*, 344–369. Minnesota Studies in the Philosophy of Science 7. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Shchedrina, T. G. 2009. "Arkhiv epokhi [Archive of The Epoch]: problema i kontsept [A Problem and a Concept]" [in Russian]. *Kul'turologiya. Daydzhest INION RAN [Herald of Culturology]*, no. 1, 104–111.
- Skinner, Q. 2006. *Svoboda do liberalizma [Liberty before Liberalism]* [in Russian]. Trans. from the English by A. V. Magun. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- . 2018a. "Motivy, namereniya i interpretatsiya tekstov [Motives, Intentions and the Interpretation of Texts]" [in Russian]. In *Atnashev and Velizhev 2018*, 123–141.
- . 2018b. "Otvét moim kritikam [A Reply to my Critics]" [in Russian]. In *Atnashev and Velizhev 2018*, 249–346.
- . 2018c. "Znachenkiye i ponimaniye v istorii idey [Meaning and Understanding in the History of Ideas]" [in Russian]. In *Atnashev and Velizhev 2018*, 53–122.
- Velizhev, M. B. 2022. *Chaadayevskoye delo [The Chaadaev Case]: ideologiya, ritorika i gosudarstvennaya vlast' v nikolayevskoy Rossii [Ideology, Rhetoric and State Power in Nikolai Russia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Vlasova, O. A. 2014. "Karl Yaspers i Mishel' Fuko [Karl Jaspers and Michel Foucault]: istoriya filosofii kak praktika 'zaboty o sebe' [History of Philosophy as a Practice of 'Care of the Self']" [in Russian]. *Vestnik SPbGU. Ser. 17 [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]*, no. 4, 47–53.
- . 2017. "Vozmozhnost' samosoznaniya [The Possibility of Self-Awareness]: istoriki filosofii v sovremennoy Rossii [Historians of Philosophy in Contemporary Russia]" [in Russian]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, no. 7, 88–94.
- . 2020. "Intellektual'naya istoriya kak pole metodologicheskogo samosoznaniya istorikov filosofii [Intellectual History as a Field of Methodological Self-Consciousness of Historians of Philosophy]" [in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]*, no. 54, 105–114.
- . 2022. "Metodologii Memory Studies i sotsiologii filosofiy v issledovaniyakh istorii filosofii i nauki [Methodologies of Memory Studies and Sociology of Philosophy in the Study of the History of Philosophy and Science]" [in Russian]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]* 28 (1): 24–39.

- Whatmore, R. 2023. *Chto takoye intellektual'naya istoriya? [What Is Intellectual History?]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Edel'man. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- White, H. V. 1969. "The Tasks of Intellectual History." *The Monist* 53 (4): 606–630.
- Wittgenstein, L. 1994. *Filosofskiye issledovaniya [Philosophische Untersuchungen]* [in Russian]. In vol. 1 of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova, trans. from the German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseyev, 75–319. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- Zaretskiy, Yu., K. Levinson, and I. Shirle, eds. 2014–2016. *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy [Geschichtliche Grundbegriffe]: izbrannyye stat'i [Selected Articles]* [in Russian]. Trans. from the German by K. Levinson. 2 vols. Moskva [Moscow]: NLO.
- Zweerde, E. van der. 2011. "Narodnyy pod'yem i politicheskaya filosofiya 'vekhovtsev' [The Rise of the People and the Political Philosophy of the Vekhi Authors]" [in Russian]. In *"Pravda": diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii ["Pravda" (Truth): Discourses of Justice in Russian Intellectual History]*, ed. by N. S. Plotnikov, trans. from the English by O. Nikolayeva, 276–319. Moskva [Moscow]: Klyuch-S.
- . 2014. "On the Political (Pre-)Conditions of Philosophical Culture." *Transcultural Studies* 10 (1): 63–92.